

V. 280
236

A

A

Императоръ Александръ II

какъ участникъ въ крестьянской реформѣ 19 февраля 1861 г.

А. А. Кизеветтера.

О времени воцаренія Императора Александра Николаевича мысль о необходимости отмены крѣпостного права уже вполнѣ созрѣла и была одинаково сознаваема какъ передовыми кругами общества, такъ и правящими сферами. Есть извѣстіе, что Императоръ Николай какъ бы завѣщавъ своему преемнику осуществленіе великой реформы, которая такъ занимала его умъ. Такимъ образомъ Александръ Николаевичъ не былъ творцомъ самой идеи крестьянской реформы. Не ему принадлежала и программа практической реализаціи этой идеи. Крестьянская реформа 1861 г. была разработана вообще безъ всякой предварительно составленной программы. Положенія, изложенныя въ высочайшихъ рескриптахъ 1857 г., содержали въ себѣ лишь самыя первоначальныя наброски предложеннаго преобразованія, подвергшіеся впоследствии существеннымъ дополненіямъ. Основные элементы реформы были выдвинуты мало-по-малу, въ самомъ разгарѣ подготовительныхъ къ реформѣ работъ, въ пылу партійной борьбы, которая кипѣла и въ петербургскихъ канцеляріяхъ, и въ дворянскихъ комитетахъ, и на страницахъ временной печати.

Императоръ Александръ Николаевичъ принялъ самое видное активное участіе въ разработкѣ реформы, отвѣдая на свою долю въ общемъ ходѣ преобразовательнаго дѣла въ высшей степени важную роль.

Царствованіе Александра II начиналось при тяжелой обстановкѣ. Тянулася война—печальное наслѣдіе предшествующаго царствованія, исходъ которой былъ такъ неясенъ и внушалъ такіа мрачныя опасенія. Настроеніе общества было смутно-тревожнымъ. Надъ многими семьями виталъ призракъ смерти. Всѣхъ заботило также и ближайшее будущее. Одни боялись, какъ бы перемѣна царствованія не повлекла за собой перемѣны и въ направленіи внутренней политики, другіе нервно опасались крушенія своихъ надеждъ на новое правительство, отъ котораго ожидали окончательныхъ расчетовъ съ прошлымъ. Вопросъ о судьбѣ крѣпостного права одинаково тревожилъ и тѣхъ, и другихъ. Всѣ чувствовали, что именно этотъ вопросъ составляетъ центральный узелъ внутренней политики и всѣ стремились по первымъ шагамъ и заявленіямъ правительства уловить характеръ его отношенія къ крѣпостному праву. Но пока тянулася война, правительство воздерживалось отъ какихъ либо категорическихъ заявленій. Неопредѣленность положенія безплодно обостряла первую впечатлительность общества. Подхватывали отрывочныя намекы, сопоставляли случайные факты и старались истолковать ихъ такъ или иначе въ возможномъ согласіи съ собственными затаенными думами. Крѣпостники, желавшіе мечту, что «все останется по старому», съ удоволь-

ствіемъ припоминали, какъ новый Государь, еще будучи наслѣдникомъ, отказался однажды передать отцу проектъ подготовительныхъ мѣръ къ отменѣ крѣпостного права; какъ одинъ изъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ какъ разъ участвовалъ Александръ Николаевичъ, отпалъ у крѣпостныхъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Наконецъ, крѣпостники радостно приветствовали послѣдовавшую уже по воцареніи Имп. Александра II отставку министра внутреннихъ дѣлъ Вибикова, котораго считали, безъ достаточныхъ впрочемъ основаній, принципиальнымъ противникомъ правъ помѣстнаго дворянства *), и съ еще большимъ восторгомъ перечитывали первый циркуляръ преемника Вибикова—Ланского къ предводителямъ дворянства: въ циркулярѣ говорилось между прочимъ—«всемилюбівейшій Государь повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». Въ этихъ словахъ хотѣли видѣть обѣщаніе сохраненія крѣпостного права.

Однако и друзья будущей эмансипаціи утѣшались среди своихъ сомнѣній и тревогъ кое-какими признаками приближенія эры реформъ. Указывали на слова, сказанныя Государемъ депутаціи отъ петербургскаго дворянства: «Я убѣжденъ, что дворянство оправдаетъ свое названіе благороднаго сословія въ истинномъ смыслѣ этого слова и будетъ стоять впереди во всякомъ добромъ дѣлѣ», и съ особенною пытливостью вчитывались въ слова манифеста, возвѣщавшаго о заключеніи парижскаго мира: «каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Несомнѣнно, что вопросъ о своевременности ликвидаціи крѣпостного права былъ предпріименъ въ умѣ Государя при самомъ воцареніи; не лишено вѣроятности, что уже тогда намѣчалась и основная мысль того стратегическаго плана, котораго рѣшилось держаться правительство, приступая къ осуществленію реформы и который состоялъ въ томъ, чтобы вызвать въ самой дворянской средѣ починъ въ отменѣ крѣпостничества. Но программы реформы еще не существовало, самыя коренныя основы преобразованія крестьянскаго быта еще предстояло создать. Вопросъ болѣе, чѣмъ назрѣлъ, но способы его разрѣшенія представлялись пока лишь въ самыхъ туманныхъ очертаніяхъ.

При такомъ положеніи дѣлъ для правительства открывались два пути: или, не волнуя общества оповѣщеніемъ реформы впередъ до выработки ея плана, заняться исподволь подготовкой этого плана въ тиши петербургскихъ канцелярій и интимныхъ

*) Вибикову пришлось вводить инвентарную реформу въ юго-западномъ краѣ въ качествѣ генералъ-губернатора. Отсюда и его репутація противника дворянскихъ интересовъ.

комитетовъ, или открыто и опредѣленно разсѣять всѣ недоумѣнія, ребромъ поставить вопросъ о неотложности реформы, призвавъ и само общество къ участию въ ея подготовленіи. Крупная историческая заслуга Имп. Александра Николаевича состояла въ томъ, что онъ, движимый вѣрнымъ политическимъ чутьемъ, не поколебался въ выборѣ между этими двумя путями. Первый путь былъ уже въ достаточной мѣрѣ извѣданъ втеченіе предшествовавшей царствованіи. Незначительность достигнутыхъ результатовъ громко свидѣтельствовала о его малой пригодности. Кроме того, дальнѣйшее слѣдованіе по этому пути уже не соответствовало духу времени. Пришла няяя пора. Прошлое рухнуло безвозвратно, погребенное подъ развалинами Севастополя.

Иногда слышались упреки дѣятелямъ крестьянской реформы въ томъ, что дѣло реформы было пущено безъ руля и вѣтрилъ въ открытое море возможныхъ случайностей, что правительство приступило къ сломкѣ стараго порядка безъ готоваго чертежа новаго зданія. Възвѣсивъ всѣ особенности момента, который переживала Россія на порогѣ своего политическаго обновленія, нельзя не убѣдиться въ неосновательности подобныхъ упрековъ. Прежде, чѣмъ думать о подробностяхъ предстоявшей реформы, надлежало отвѣтить на тревожныя ожиданія общества твердымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ основного вопроса: быть или не быть самой реформѣ.

Таковъ именно и былъ смыслъ исторической рѣчи, съ которою Имп. Александръ Николаевичъ обратился къ московскимъ дворянамъ 30 марта 1856 г. Упомянувъ о томъ, что въ обществѣ обращаются слухи о намѣреніи правительства уничтожить крѣпостное право, и заявивъ, что немедленнаго оправданія этихъ слуховъ не вослѣдуетъ, Государь продолжалъ: «Но конечно, господа, вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. *Лучше отменить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмигаться снизу.* Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе».

Эта рѣчь ярко освѣтила предшествовавшія сумерки, глубоко обрадовала однихъ, не менѣе глубоко опечалила другихъ, но для всѣхъ одинаково положила конецъ томительной неопредѣленности. Послѣ словъ Государя возвратиться вспять было уже невозможно: корабли были сожжены.

Таково было первое, какъ нельзя болѣе своевременное и богатое послѣдствіями проявленіе личной инициативы Имп. Александра Николаевича въ исторіи крестьянской реформы. Ближайшіе затѣмъ шаги правительства сосредоточились на двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, было приступлено къ выработкѣ хотя бы первоначальныхъ основаній для предстоявшей реформы. Этими дѣломъ на первое время занялось министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стояли люди, сочувствовавшіе реформѣ, — самъ министръ Ланской и товарищъ его Левшинъ, — хотя еще и не имѣвшіе яснаго представленія о возможныхъ размѣрахъ будущаго преобразованія. Левшинъ приступилъ къ составленію докладныхъ записокъ о программѣ постепеннаго развитія крестьянскаго дѣла. Идеи, изложенныя въ этихъ запискахъ, отличались большою умѣренностью. О выкупѣ земельныхъ надѣловъ въ собственность освобождаемыхъ крестьянъ здѣсь не было и рѣчи. Землю предполагалось оставить лишь въ обязанномъ пользованіи крестьянъ за опредѣленные повинности.

Выкупъ надѣла замѣнялся выкупомъ усадьбы съ разсрочкою выкупного платежа на 10—15 лѣтъ, при чемъ самый актъ личнаго освобожденія отодвигался вдалѣ къ моменту окончатель-

наго завершенія выкупа усадьбы. Наконецъ, Левшинъ предлагалъ приступать къ реформѣ на изложенныхъ имъ основаніяхъ не сразу по всей Россіи, а постепенно, по районамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ. Въ нерѣшительныхъ, пропитанныхъ полумѣрами, предложеніяхъ Левшина какъ бы воскресалъ духъ секретныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія. Въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ уже тогда были люди съ болѣе смѣлыми взглядами на существо предстоявшей реформы — Николай Милютинъ, Соловьевъ, — но ихъ роль была еще впереди. Въ описываемый моментъ даже Левшинскія предложенія вызвали во многихъ государственныхъ дѣятеляхъ тревожныя опасенія. Впрочемъ, всѣ эти предположенія намѣчались, такъ сказать, на первый случай, въ ожиданіи заявленій со стороны дворянства, къ почину котораго зывалъ Государь въ своей московской рѣчи.

Наряду съ подготовительными работами въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тотчасъ уже послѣ рѣчи Государя былъ предпринятъ рядъ попытокъ къ возбужденію въ дворянствѣ реформаціонной инициативы. Во время коронаціи Ланской входилъ въ переговоры со съѣхавшимися въ Москву предводителями дворянства относительно возможной постановки предстоявшей реформы. Эти переговоры не привели къ желаемымъ результатамъ. Предводители дворянства отослались къ затрагиваемой министромъ темѣ болѣе чѣмъ холодно и сдержанно. Наступалъ очень трудный моментъ. Дѣло реформы грозило затормозиться въ самомъ началѣ. Только ввиду обнаруживавшейся невозможности немедленно опереться на содѣйствіе дворянства рѣшили прибѣгнуть къ старому средству, вполнѣ уже доказавшему свою непригодность. 3 января 1857 г. былъ учрежденъ новый негласный комитетъ по крестьянскому дѣлу, лично открытый Государемъ. Новый комитетъ не замедлилъ послѣдовать примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ пачалъ всѣми силами тормозить порученное ему разсмотрѣнію дѣло. Государь нисколько не обманывался на счетъ бесплодности занятій комитета. Открывъ его засѣданія въ своемъ присутствіи, Государь уѣхалъ за границу и тамъ въ интересной бесѣдѣ съ гр. Киселевымъ въ Киссингенѣ прямо признался: «крестьянскій вопросъ меня постоянно занимаетъ, надо довести его до конца, я болѣе, чѣмъ когда либо, рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ». Пессимистическій взглядъ Государя на дѣятельность комитета, какъ нельзя болѣе, подтвердился по его возвращеніи въ Россію. Работы комитета стояли на точкѣ замерзанія. Попытка оживить его дѣятельность введеніемъ въ его составъ вел. кн. Константина Николаевича, проникнутаго искреннимъ сочувствіемъ дѣлу реформы, не принесла существенныхъ результатовъ. Окончательныя заключенія, къ которымъ пришелъ комитетъ, грозили отодвинуть ликвидацію крѣпостныхъ отношеній въ безконечную даль. Государь утвердилъ эти заключенія и благодарилъ членовъ комитета «за первый ихъ трудъ», выразивъ при этомъ, что онъ надѣется и впредь на ихъ дѣятельное участіе «во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса». Государь смотрѣлъ на работу комитета лишь какъ на первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе, болѣе существенные и болѣе согласующіеся съ его личными взглядами на дѣло реформы.

Высочайшее утвержденіе заключеній негласнаго комитета послѣдовало въ августѣ 1857 г., а въ ноябрѣ того же года Государю представился неожиданный случай вторично проявить свою рѣшительную инициативу въ крестьянскомъ дѣлѣ. Дворянства Виленской, Ковенской и Гродненской губерній представили Государю черезъ виленскаго генералъ-губернатора Навинова

А

адресъ съ предложеніемъ безземельнаго освобожденія своихъ крестьянъ по образцу остзейскихъ губерній. Адресъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе негласнаго комитета и послѣдній высказался за принятіе предложенія дворянъ литовскихъ губерній. Но Государь взглянулъ на дѣло иначе. Заявленіе дворянъ литовскаго края было драгоцѣнно для даннаго момента, какъ первое проявленіе дворянской инициативы, шедшее на встрѣчу освободительнымъ намѣреніямъ правительства. Но по существу проектъ литовскихъ дворянъ былъ шагомъ назадъ даже сравнительно съ предположеніями Левшина. Проекты Левшина не разрывали связи крестьянина съ землей, хотя и не надѣляли крестьянъ земельной собственностью. Предложеніе дворянъ сѣверо-западнаго края сулило освобождаемому крестьянину участь безземельнаго батрака. И вотъ, по указанію Императора, секретный комитетъ совмѣстно съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ составить проектъ отвѣтнаго рескрипта на адресъ литовскихъ дворянъ въ такомъ смыслѣ, чтобы проявленная дворянами инициатива получила въ одно и то же время и Высочайшее одобреніе, и совершенно новое направленіе. Началась лихорадочная работа. Текстъ рескрипта прошелъ цѣлый рядъ редакцій. 18 человекъ трудились надъ его выработкой. Плодомъ этихъ усилій и явился достопамятный рескриптъ 20 ноября 1857 г. на имя генералъ-адъютанта Назимова. Въ этомъ рескриптѣ говорилось, что Государь въ отвѣтъ на заявленные дворянами упомянутыхъ губерній благія намѣренія разрѣшаетъ имъ приступить къ составленію проекта преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для чего и должны быть образованы въ каждой изъ этихъ губерній по одному приготовительному комитету изъ членовъ частью по выбору дворянъ, частью по назначенію губернаторовъ и кромѣ того одна общія для всѣхъ трехъ губерній коммиссія въ г. Вильнѣ. Затѣмъ въ рескриптѣ излагались въ руководство комитетамъ главные основанія предстоявшей реформы: безвозмездное личное освобожденіе, выкупъ усадьбъ, отводъ полевого надѣла въ пользованіе за опредѣленные повинности, т. е. тѣ самыя начала, которыя были выдвигаемы еще Левшинымъ. Эти основанія не заключали въ себѣ, такимъ образомъ, ничего новаго и не въ нихъ состояло главное значеніе рескрипта 20 ноября 1857 г., тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени само правительство допустило существенныя видоизмѣненія въ этихъ началахъ. Рескриптъ былъ важенъ тѣмъ, что онъ указывалъ опредѣленные формы для участія самого дворянства въ предварительной разработкѣ реформы и санкционировалъ дѣйствительное вступленіе нѣкоторыхъ дворянскихъ обществъ на этотъ путь. Въ этомъ смыслѣ рескриптъ на имя Назимова явился послѣ вышеупомянутой московской рѣчи Государя вторымъ важнѣйшимъ актомъ въ исторіи первоначальной подготовки реформы. Московская рѣчь безповоротно провозгласила необходимость реформы. Рескриптъ Назимому выполнилъ дѣло реформы изъ глубины секретныхъ комитетовъ на новое поприще самостоятельной общественной инициативы. Но для полнаго достиженія этой послѣдней цѣли требовалась широкая огласка рескрипта, между тѣмъ большинство членовъ негласнаго комитета ни въ какомъ случаѣ не хотѣло допустить опубликованія рескрипта во всеобщее свѣдѣніе. И опять Государь самъ далъ плодотворный толчекъ дальнѣйшему ходу реформы. Принимая воронежскаго губернатора, Государь сообщилъ ему о состоявшемся только что актѣ, прибавивъ: «Я рѣшился дѣло привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь». Пораженный губернаторъ поспѣшилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вопросомъ, получить ли онъ

соотвѣтствующее предписаніе Ланской отвѣчать утвердительно и, опираясь на слова Государя, не теряя времени, провелъ черезъ главный комитетъ постановленіе о разсылкѣ рескрипта всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства ввидѣ руководства на случай, если и другія дворянскія общества пожелаютъ послѣдовать примѣру литовскихъ дворянъ. По настоянію Милютина, Ланской распорядился безотлагательнымъ исполненіемъ этого постановленія. Необходимое количество экземпляровъ этого рескрипта было отпечатано въ одну ночь и тотчасъ же сдано на почту. Поспѣшность оказалась неслучайной. Большинство комитета уже готово было взять назадъ свое недавнее постановленіе, но было поздно.

Съ этого момента дѣло реформы вступило въ новый фазисъ. Рескриптъ на имя Назимова былъ прямымъ вызовомъ всему русскому дворянству. Мало-по-малу, то подъ давленіемъ угрозъ губернаторовъ, то по инициативѣ либеральной части мѣстнаго дворянства, то въ силу признанія невозможности пренебречь примѣромъ сосѣднихъ мѣстностей,—повсюду стали открываться дворянскіе комитеты для составленія проекта новаго крестьянскаго положенія на провозглашенныхъ въ рескриптѣ основаніяхъ. Тогда же петербургскій негласный комитетъ былъ преобразованъ въ «главный комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи».

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ губернскихъ комитетахъ, открывшихъ свою дѣятельность, начиналась борьба между крѣпостническимъ большинствомъ и либеральнымъ меньшинствомъ, въ столичныхъ сановныхъ и чиновныхъ кругахъ происходила также болѣе рѣзкая и опредѣленная группировка партій. Въмѣсто нерѣшительнаго Левшина правой рукой Ланскаго дѣлается Милютинъ, видный членъ либеральнаго салона вел. кн. Елены Павловны, исполненнаго горячаго сочувствія дѣлу крестьянской реформы; а въ главномъ комитетѣ опорой либеральнаго теченія является вел. кн. Константинъ Николаевичъ. За то и консервативная партія, пугавшаяся реформъ, подобрала силы и сплотилась для дѣйствій. Обѣ партіи старались доступными для нихъ средствами повліять на воззрѣнія и настроеніе Государя.

Теперь передъ Государемъ открывалась новая задача. Реформа вступила въ стадію практической разработки. Предстояло провести основанія чрезъ борьбу противорѣчивыхъ интересовъ. Предстояло удерживать обѣ партіи отъ проявленій крайней односторонности, сохранять въ возможномъ равновѣсіи общее направленіе дѣла и своевременными уступками то той, то другой сторонѣ умиротворять волнуемую страсти, не упуская въ то же время изъ вида конечныхъ цѣлей предпринимаго преобразованія. Здѣсь требовался отъ Государя огромный запасъ политическаго такта и неослабнаго самообладанія. Въ попыткахъ сбить Государя съ занятой имъ позиціи высокаго безпристрастія не было недостатка. Сановные представители охранительной партіи, съ грустью взиравшіе на успѣхи освободительныхъ начинаній, понимая, что Государю уже нельзя переубѣдить, старались его запугать мнимыми опасностями. Органомъ своего вліянія на Государя они избрали весьма близкаго къ Государю человека—Якова Ивановича Ростовцева. Выборъ былъ удаченъ. Будущій поборникъ крестьянскаго дѣла еще примыкалъ въ это время къ рядамъ близорукихъ охранителей старины, а личное довѣріе, которое питалъ къ нему Государь, всего лучше обезпечивало успѣхъ идущимъ черезъ него внушеніямъ. Государю начали пугать перспективой массовыхъ крестьянскихъ волненій, чуть ли не соціальной революціей, которая можетъ вспыхнуть съ устраненіемъ такого оплота государственнаго порядка, какъ

А

подчинение крестьян власти помещиков. Можно было бы возразить на эти указания, что «оплотъ порядка» уже подарилъ Россію пугачевщиной и непрерывной вереницей мѣстныхъ крестьянскихъ волненій, что отмена крѣпостного права принесетъ съ собою не растравленіе, а исцѣленіе старинныхъ общественныхъ язвъ, отъ которыхъ страдала Россія. Но неизвѣстность будущаго пугаетъ людей въ большей степени, чѣмъ горькіе уроки прошлаго. Устрашающія внушенія не остались безъ успѣха и фонды охранительной партіи начали повышаться. При составленіи программы для дѣятельности губернскихъ комитетовъ былъ принятъ уже не проектъ Ланского, а проектъ Ростовцева, болѣе благопріятный для помещичьихъ притязаній. Вслѣдъ затѣмъ положенъ былъ конецъ свободному обсужденію крестьянскаго вопроса въ повременной печати. Наконецъ, Ростовцевымъ былъ выработанъ проектъ учрежденія по всей Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями. Всѣ эти мѣры были продиктованы недоброжелательнымъ недоувѣріемъ къ предпринятой реформѣ и чувствомъ безотчетнаго страха передъ ея послѣдствіями. Можно думать, что послѣднее чувство начало закрадываться въ душу самого Государя. Это выразилось въ тѣхъ отмѣткахъ, которыми Государь испецировалъ поля поднесеннаго ему Ланскимъ доклада съ энергической критикой проекта объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ *). Въ этихъ отмѣткахъ Государь опредѣленно выражалъ свои опасенія. Въ докладѣ говорилось, что крестьяне встрѣтятъ реформу съ полнымъ спокойствіемъ. Государь отмѣтилъ: «дай Богъ! но этой увѣренности по всему, до меня доходящему, я не имѣю». «Мы должны быть готовы ко всему» писалъ Государь противъ другаго мѣста того же доклада. Въ отмѣткахъ Государя явно сквозило раздраженіе противъ тѣхъ круговъ, изъ среды которыхъ вышелъ разбираемый имъ докладъ, и даже недоувѣріе къ искренности изложенныхъ въ докладѣ соображеній. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто. Въ докладѣ говорилось, что учрежденіе чрезвычайныхъ властей будетъ принято за проявленіе недоувѣрія правительства къ населенію и вызоветъ въ свою очередь недоувѣріе народа къ правительственнымъ начинаніямъ, чѣмъ только затруднится мирное введеніе реформы. Государь замѣтилъ на это: «всѣ эти опасенія возбуждены людьми, которые желали-бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка». Неудовольствіе, выраженное Государемъ на изложенныя въ докладѣ министра соображенія, было столь велико, что Ланской счелъ нужнымъ заговорить съ Государемъ о своей отставкѣ. Отмѣченный эпизодъ показываеъ, какъ настойчиво проводила свое вліяніе на Государя та охранительная партія, орудіемъ которой служилъ въ то время Ростовцевъ. Государь не могъ вопіи въ противостоять ей успѣшнѣе, но то былъ лишь частичныя колебанія. Вѣра въ начатое дѣло, глубокое убѣжденіе въ его своевременности и необходимости, не разъ заявленная твердая рѣшимость довести его до конца—превозмогли надъ этими колебаніями. Отставка Ланского не была принята, а проектъ Ростовцева не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Мы уже не находимъ слѣдовъ такихъ колебаній въ тѣхъ рѣчахъ, съ которыми Государь обратился къ представителямъ

дворянства во время своей поѣздки по Россіи въ августѣ и сентябрѣ 1858 г. Эта поѣздка, являвшаяся новымъ знакомъ личной инициативы Государя въ крестьянскомъ дѣлѣ и показавшая, какъ внимательно слѣдилъ Государь за всѣми перипетіями въ дѣятельности дворянскихъ комитетовъ, получила весьма важное значеніе для дальнѣйшаго хода реформы. Партійная борьба въ комитетахъ была въ то время уже въ полномъ разгарѣ. Обозначились какъ перекрестныя общественныя теченія, возбужденныя приближеніемъ реформы, такъ и тѣ цѣли и средства, которыхъ будетъ держаться каждое изъ этихъ теченій. Въ точныхъ, глубоко продуманныхъ и взвѣшенныхъ словахъ Государь опредѣлилъ свое отношеніе къ этимъ теченіямъ въ рядѣ рѣчей, обращенныхъ къ дворянскимъ представителямъ разныхъ губерній. Крестьянская реформа вызвана потребностями общаго блага; содѣйствіе ея осуществленію является поэтому патристической обязанностью дворянства, какъ передового сословія; реформа можетъ и должна быть выполнена съ взаимнымъ соглашеніемъ частныхъ интересовъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія — таковы были основныя положенія, провозглашенныя Государемъ въ рѣчахъ, обращенныхъ къ тверскому, костромскому, нижегородскому, смоленскому, и виленскому дворянствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рѣчахъ къ дворянамъ владимірскимъ и московскимъ Государь категорически осудилъ попытки ввести въ работы комитетовъ положенія, подсказанныя духомъ узко-сословнаго эгоизма. Откровенныя, не допускающія сомнѣній рѣчи Государя благотворно освѣжили общественную атмосферу, пропитанную колебаніями и недоумѣніями, которыя питались противорѣчивыми отголосками столичной партійной борьбы. Эти рѣчи давали точку опоры для либеральнаго меньшинства членовъ губернскихъ комитетовъ, которое стремилось выработать возможно болѣе широкія и согласныя съ общегосударственными задачами основанія для будущей реформы.

Скоро два новыя обстоятельства дали въ высшей степени благотворный толчекъ ходу реформы. Ростовцевъ, чьи указанія имѣли столь большой вѣсъ въ глазахъ Государя, воспользовался заграничнымъ отпускомъ для основательнаго изученія крестьянскаго вопроса и въ результатъ этого изученія превратился въ горячаго сторонника не только дарованія крестьянамъ личной свободы, но и надѣленія ихъ при освобожденіи земельною собственностью посредствомъ выкупа. Онъ развивалъ свои новыя идеи въ рядѣ писемъ къ Государю, которыя произвели на послѣдняго чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Мысль о выкупѣ надѣловъ, выдвинутая впервые дворянскими комитетами и печатью, долго считалась запретной на томъ основаніи, что она не вошла въ Высочайшіе рескрипты 1857 г. Мало-по-малу дворянскіе комитеты добились разрѣшенія составить особые положенія о выкупѣ. Теперь обращеніе Ростовцева въ пользу этой идеи твердо обеспечивало ей шансы на успѣхъ. Систематическія извлеченія изъ писемъ Ростовцева были рассмотрѣны въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ главнаго комитета. Государь живо интересовался этими засѣданіями и все время велъ ихъ подъ личнымъ пресѣдательствомъ.

Вторымъ важнымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ исходъ реформы, было образованіе при главномъ комитетѣ редакціонныхъ комиссій для выработки общаго проекта новаго положенія о крестьянахъ изъ всѣхъ проектовъ, доставленныхъ губернскими комитетами. Мысль объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій была выдвинута одновременно и Ланскимъ, котораго вдохновлялъ Милютинъ, и Ростовцевымъ, который дѣйствовалъ теперь въ согласіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Извѣстно, что

*) По указанію нѣкоторыхъ, докладъ этотъ былъ составленъ Милютинымъ, но въ дѣйствительности, записку составилъ В. А. Арцимовичъ. Ср. книгу А. О. Кони «За послѣдніе годы», п его же статьи въ «Вѣст. Евр.» 1893, № 4 и въ «Правдѣ» 1903 г 2 марта.